

этому обращение к нему Кантемира не отражало литературных позиций молодого поэта, а было чем-то вроде профессионального тренажа: «Буало не современник Кантемира; он умер в 1711 г.; для поколения Кантемира он уже не живой литературный факт, а именно бесспорный „образец“, давно канонизированный и приравненный к римским классикам сатиры...»³⁹

Формально это замечание верно: Кантемир хронологически не был литературным современником Буало, но интерес к его сатирам появился у него совсем не потому, что Буало через десять лет после своей смерти был «бесспорным образцом». Таким образом он стал гораздо позже. Заявить о своей приверженности к Буало в конце 1720-х годов значило выбрать определенную литературную позицию самостоятельно и ответственно, на основе точного представления о том, что происходило в это время во Франции, где о Буало много и страстно спорили, а не в России, где, кроме кружка друзей Кантемира, о нем еще вообще не знали. Более того — знакомство Кантемира с франкоязычной журналистикой могло обратить его внимание на одно очень интересное для французской литературной жизни обстоятельство. Он мог легко убедиться в том, что Буало в это время вполне живой автор, хотя и умер в 1711 году, автор переиздаваемый и читаемый. Только издание сочинений Буало с комментариями его друга Броссета выходило с 1711 по 1740 год; было продано 20 000 экземпляров.⁴⁰ Издание выходило в Голландии, в условиях цензуры, и поэтому привлекло к себе французских читателей. По мнению исследователя литературной судьбы Буало во Франции в XVIII веке, он был, особенно в первой половине столетия, самым обсуждаемым автором. О Буало спорили, у него были убежденные защитники и упорные противники.⁴¹

Вопреки традиции, которая сложилась уже к концу XVIII века, видеть в Буало *только критика*, только теоретика, наука XX века вновь «открыла» Буало-поэта.⁴² Так, например, Броди показал, что Буало создал свою собственную систему поэтической семантики. Например, глагол *savoir* (знать, уметь) у него применяется во многих случаях в «функциональной связи» (*functional closeness*) со словами *génie, talent, secret, goût*. Буало наделяет слова, преимущественно глаголы, особым спектром значений, которых они не имели до него в литературном языке. Он употреблял эти глаголы для характеристики своих друзей-поэтов, высокого уровня их искусства.⁴³ Он восхищается Мольером:

Que tu ris agréablement!
Que tu badines savamment!

.

³⁹ Пумпянский Л. В. Кантемир, Тредиаковский // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1939. С. 51.

⁴⁰ Miller Y-B. Boileau en France au XVIII siècle. Baltimore and London, 1942. P. 143.

⁴¹ Подробнее об этом см. Серман И. З. Кантемир и Буало. (Проблема литературной ориентации) // Russia and The World of the Eighteenth century Slavica Publishers. 1985. P. 634–650.

⁴² Brody J. Boileau and Longinus. P. 33.

⁴³ Там же. P. 49.